

ОЛЕГ ДИРАШКИ

ПОЛПРЕД  
ПРОГРАМА



Дисциплина I



# КАМУФЛЕТ

СЪОБЩЕНИЕ  
КАМУФЛЕТ  
В РАДИО

18+

## Annotation

Герой романа-фантазмагии «Камуфлет» Александр Константинов – сотрудник мистической Академии метанаук. Им владеет идея-фикс – разгадать тайну людской агрессивности. Герой пускается в рискованное путешествие – через миры и десятилетия. По ходу ему открываются важные тайны человеческой истории. Оказывается, мы вовсе не гомо сапиенс, и наш мир кем-то придуман (Не верите? Примите синюю таблетку). Но главное – хорошо кончается. Всех вылечат. Роман является первой книгой серии «Поперёк программы» и может понравиться поклонникам творчества Аркадия и Бориса Стругацких, а также Виктора Пелевина.

---

---

**Олег Айрашин**  
**Камуфлет**



# Глава первая. В начале было слово

*А есть слова – по ним глаза скользят.  
Стручки пустые. В них горошин нету.*

*Евгений Винокуров, «Слово»*

Открывать или нет – вот вопрос. Когда не ясно, кто снаружи – разумнее не отворять. Но я беспечно распахнул двери – и в дом вломились незваные гости.

Чужих было двое: усатый верзила и низенький плешивый пузан, в чёрных мундирах со сверкающими золотом нагрудными знаками. Сунув мне под нос корочки, сходу прошлись по комнатам. Но это так, ритуал соблудности. Знали собаки, где и что искать.

На кухне оба уставились на газовую плиту. Лысый потёр ладошки:

– По долгам следует платить, верно?

Усатый хмуро жевал зубочистку. Я молчал – что тут скажешь?

– А вы просрочили. Работу не сдали – и деньги не возвращаете. От плиты отойдите.

Не стоило брать аванс, прожили бы как-нибудь и без этих двухсот тысяч. Но даже в страшном сне тогда не грезилось, что рукопись в срок не сдам. И что обидно – из-за единственного слова. Не глянулось оно мне, вишь ты. Типа крутой стилист, понимаешь.

Коллекторы действуют по закону – и я бессилен.

Верзила наклонил плиту, лысый извлёк из-под неё мой заветный свёрток, перехваченный джутовым шпагатом, и сноровисто развязал его; снятый с альбома пакет полетел в угол. Пузан, ослабившись, перевернул увесистые листы с серебряными рублёвиками.

– Чудно, чудно! А кто уверял, что денег нет? Ай-я-яй! Головы зачем-то морочили, – лысый лукаво прищурился. – А денежки-то – вот они.

– Это не деньги... Старинные... коллекция... личное.

– Уже нет, – усатый выплюнул зубочистку.

– Верно говоришь, Степаныч. Так, и что у нас тут? Посмотрим...

Лысый присел к столу.

– Ну-ка, ну-ка. Ух ты, «крестовичок»-то какой шикарный!

Лысый не спеша перелистывал пластины.

– А вот и Петя Второй. Так-с, а Петя Третий почему отсутствует?

Эх, прибить бы незваных гостей! Двадцать лет – псу под хвост. Двум чёрным псам.

– Не по средствам, что ли? А? Иван Антоныча тоже вот нету. Зато что есть – пальчики оближешь!

Захлопнув кляссер, лысый взвесил его на ладони:

– Должно хватить.

Я молчал.

– Заканчиваем, – лысый кивнул верзиле. – Дуй за понятами. Чего замер? Соседей тащи!

Что же делать, что делать? А если спиной к плите – и незаметно кран открыть? А самому затаить дыхание?

Мне даже почудился газовый запах.

Господи, бред какой. Ну зачем, зачем я брал этот чёртов аванс?

– А может, – лысый раскрылся лукавой улыбкой, – решим вопрос на месте?

– Это как?

– Легко, дружище. Медь остаётся вам, серебро достаётся нам. А? – он лучился радостью. – Как говорится, бабе – цветы, дитям – мороженое. И ваш долг списывается. Идёт? Ага, откатит он издателю десятков моих монет – и всё уладилось? За дурака меня держит. Хлопнула входная дверь – вернулся усатый. Один, без соседей.

– Вы, я вижу, упрямитесь? – лысый печально вздохнул, тут же раздался страшный, нечеловеческий вопль – и меня сбили с ног.

Я вскочил, но сверху обрушился пол, и почему-то асфальтовый.

Надо мной склонился незнакомый мужик в очках:

– Цел? Сам-то встанешь? Что же ты на красный-то?

Я с трудом поднялся и... враз очутился на улице. Вот оно что... Визжали, оказалось, тормоза белой «Тойоты», она же и опрокинула меня наземь. А лысый и усатый, стало быть, исчезли.

– Может, в больницу тебя, а?

– Да ладно, – переступил с ноги на ногу; в правом колене резануло.

– Кровь на щеке, вон.

– Ерунда, – промокнул жгущую ссадину платком. – Слушай, не бери в голову, всё нормально.

– Точно?

– Да езжай, затор уже из-за нас.

К чему был этот сон наяву? А впрочем, догадаться не сложно: вконец меня достали печали и тревоги.

\* \* \*

*Профилактика.* До чего отвратительное слово – казённое, сухое до трухлявости. А заменить – нечем. И обойтись – никак. Издатель требует рукопись, а у меня повисла проходная идея. Вроде простая мысль: лучше подстелить соломки, чем ждать, пока жареный петух клюнет. Но как это выразишь одним термином?

Прилежный ремесленник, я запрещал себе затёртые словечки. Передо мной высился пример – строки Ахматовой из знаменитого цикла «Ветер войны»:

*Птицы смерти в зените стоят.*

*Кто идет... Ленинград?*

Почти каждый поэт, не мудрствуя лукаво, вместо многоточия вставил бы: «защитить». Но не Ахматова. Ибо «защитить» – б/у. И она таки нашла замену:

*Птицы смерти в зените стоят*

*Кто идет выручать Ленинград?*

Не слабо? А вот у меня с этой долбаной *профилактикой* – не получается. Хотя верный ответ наверняка имеется. Но почему словари-то молчат? Господи, из-за одного мутного существительного все планы рушатся! Проклятущая *профилактика* чуть не в каждой главе колом встаёт. И аванс этот чёртов, где же, где достать эти двести штук?

Если по правде, то дело было не столько даже в слове. Что слово? Так, примета. Вот получится *истинное* отыскать – тогда и книга выйдет полновесная.

Да, можно было выехать на *спецсредствах* Академии, но вот не уважаю я эти костыли для разума. Конечно – тоже комплекс. А у кого их нет?

Кстати, об Академии: давненько я туда не заглядывал. И ведь сказывается – тает вера, тает. Странные дела... Пропустишь год – и уж сомнения терзают: а существует ли она, эта самая Академия метанаук? Или так, морок неувловимый?

Как же вовремя случилась эта командировка в столицу! Симпозиум – отличный повод оказаться в Москве. И отговорка для жены: про Академию Марианна ничего не знает – и знать не должна.

*Пословица звучит витиевато:  
Не восхищайся прошлогодним небом,  
Не возвращайся – где был рай когда-то,  
И брось дурить – иди туда, где не был.*

### *Владимир Высоцкий, «Цунами»*

Светило нежаркое августовское солнце; я поднимался по Театральному проезду к Лубянке. Меня томило пронзительное предчувствие: что-то сегодня случится, что-то очень важное. Возможно, разрешится гнетущая меня задача.

Откуда явилось это предвестие? Не раз уже случалось подобное: ломаешь себе голову над чем-то – и вдруг возникает музыка, но не снаружи, а изнутри. А вслед за ней – катарсис и разгадка.

Сейчас в душе моей качались волнами нежные звуки скрипок: Брамс, Третья симфония. И часть – тоже третья, аллегретто. А раз внутри такое чудо из чудес – решение должно быть рядом.

На Лубянке последний раз я бывал давно, лет чуть не двадцать назад. И сразу бросилась в глаза клумба в центре площади, где раньше возвышался памятник Дзержинскому.

Так-таки ничего и не сохранилось от прошлого? Постой, а что за скверик в начале Новой площади? Какой-то стенд... Ну-ка, ну-ка...

*«За годы террора в Москве по ложным политическим обвинениям были расстреляны 40 тысяч человек...»*

Сорок тысяч! Целый городок, пусть и небольшой. И не в далёкой Сибири, а прямо здесь, в столице. Куда же они трупы-то девали? А, вот как раз про это. Сначала предавали земле на кладбище Яузской больницы, затем на Ваганьковском. Потом сжигали. Но Донской крематорий – далеко не Освенцим, поэтому с тридцать седьмого снова стали закапывать – слово "хоронить" здесь неуместно – на двух секретных полигонах НКВД. Ну, страна!

Присесть бы куда... А вот же – две железные скамейки, покрытые кузбаслаком.

Опустился на правую. Во-о-н – Самый Высокий Дом: оттуда всю Колыму видать, говаривали в прежние времена. Девять этажей, два верхних – глухие; гордый шпиль, часы с чёрными стрелками.

И тут что-то произошло; случилось важное. Да вот же, вот! Я узнал его сразу. Настолько ослепительно белая шевелюра могла быть лишь у одного человека. Да и вышел он из *того самого* дома – таких совпадений не бывает. Белый, точно. Больше некому.

Мой старый знакомец нырнул в подземный переход, а я чуть было не завопил через всю площадь. Куда подевался? Ага, заглянул в книжный, «Библио-Глобус». Теперь можно не суетиться, куда мой приятель не денется.

Белый был из *той* жизни. Насыщенной страстями, голодной и счастливой. Где чуть не все девчонки были восхитительны и желанны; рубль был деньгами, а доллар – преступной мечтой; где обычный обед – *три пончика – два чая; а три пива – два гарнира* – обед воскресный. Та жизнь длилась долгие четыре года и вместила едва ли не большую часть моего века. От тех славных времён осталось манящее послевкусие табачного дыма от болгарских сигарет «Шипка» и лёгкая ностальгия по гранёным стаканам.

Встретиться с Белым хотелось давно. Ведь именно с ним были связаны самые колоритные эпизоды *той* жизни. Смотри-ка, даже в мыслях я не произнес его имени – Толя, Толя Ратников. В те времена по именам друг друга мы величали редко. Меня, Сашу Константинова, сразу нарекли Костей.

Вот Белый вышел из книжного. Куда же теперь? Так, открыл дверь... А, вспомнилось: ближе к концу учёбы у него появилось увлечение: штыки, кинжалы, сабли и тому подобное железо. А тут по пути профильный магазинчик. Что ж, придётся подождать.

Десятки лет *ту* жизнь почти не вспоминал. А как увидел однокашника – картинка и проявилась

\* \* \*

А что Белый вытворял с финским ножом! По выходным, когда многие обитатели сваливали из общаги, для нас, оставшихся, он демонстрировал атрейский способ. Присутствовали, кроме меня, чаще всего Шплинт, Корчём, и Тилибом.

Выйдя в длинный коридор, мы на всякий случай стучали в ближайшие двери – не выскочил бы кто часом под нож.

Изюминка заключалась в технике метания. Не только рабочая рука, всё тело в миг броска напоминало змею, а ещё больше – кнут. Роль кнутаовища играли ноги, до бедер, а корпус и рука набирали разгон по возрастающей.

– Теоретически, – изрекал Белый, – скорость ножа может быть и звуковой, треть километра в секунду. Но лимитирует предплечье, прочность сухожилий. А потому реально – до двухсот метров.

Однажды кто-то из нас спросил: а можно ли увернуться? Белый снисходительно улыбнулся:

– Один-единственный шансик, пацаны. Следите за его бёдрами. Важно уловить начало разгона: если противник в плохой форме или небрежничает, надежда есть. Такая вот ситуёвина.

Проверить защиту на себе решался лишь Корчём. Он облачался в примитивные доспехи, а на область сердца, поверх самодельного бронежилета, мы привязывали пару конспектов – чтобы не портить броник.

Отойдя на шесть-семь метров, Белый вынимал сталь из ножен; вращение бёдрами он повторял всё быстрее, но то была лишь примерка.

Потом Белый, странно усмехаясь, убирал финарь обратно; на свет появлялся другой, с тупым концом. Мгновенный толчок бёдрами, тело сжимается в плотный комок мышц, хлёсткий взмах рукой и – страшный, пронзительный крик:

...и – й – Я!!!

Короткий свист рассекаемого воздуха.

Заканчивалось всегда одинаково: удар сшибал Корчёма с ног. Бедолага поднимался, шатаясь, как пьяный, тряс головой, орал отнюдь не благим матом. Мол, неправильно, так не должно быть, мешают доспехи (плохому танцору...). И всегда нож торчал точно из конспекта.

А насчёт «так не должно быть» – мы давно сообразили, в чём дело. Это простоватый Корчём не дотумкал, что Белый, тоже следя за его бёдрами, догадывается, в какую сторону

тот бросится. Но наш недоумок даже не пытался финтить или скрывать свои намерения.

Теперь думаю, что от настоящего финна и кевлар бы не спас. Разве что новейший бронежилет с насыпными пластинами микросфер на основе нитрида бора. Но тогда о кевларе слыхом не слыхивали.

Позже Белый потряс нас иначе: объявил между делом, что мечтает о Высшей школе КГБ – чтобы, значит, в разведку.

Смелое заявление. В те времена «Семнадцать мгновений весны» на экран ещё не вышли, зато каждый третий анекдот был про *товарища майора*. Да и аббревиатура КГБ прочно связывалась со словом *сексот*, или *стукач*. Но насчёт Белого сомнений не возникло, и тот факт, что он решил податься в чекисты, мы просто приняли к сведению. И не было никаких шуточек, типа: «А кто у нас работает в органах, но не гинеколог?»

В конце концов Белый своего добился и потом, по слухам, служил нелегалом на Западе. А вернувшись, определился на Лубянку. Вот такой это был человек.

Вот двери оружейного открылись – Белый двинулся дальше, даже не оглянувшись. Тоже мне, чекист. Ладно, хватит в догонялки играть.

– Белый!

Реакция у него ещё та: полсекунды повернуться и узнать; и тут же – ослепительная улыбка. Вспомнилось, с огромным радиусом поражения особей женского пола.

Итак, секунда – и:

– Костя?

Надо же, назвал, как прежде!

Конечно, хлопки по спине, взаимное лицезрение.

Волнистые и не просто белые – сверкающие белизной волосы. Контраст между широкими плечами и узкими бёдрами – классический перевернутый треугольник, куда там нынешним бегемотистым качкам. По-прежнему напоминает закрученную туго пружину, всегда готовую распрямиться.

Серый костюм из тонкой шерсти сидит как влитой; белая сорочка, синеватый галстук – таким я Белого не видел. Красавец.

А дальше у нас пошло нестандартно. Никаких там: «*Надо бы посидеть*»; «*Да, конечно... Так, сегодня я занят, позвоню завтра, встретимся обязательно*».

– Вот что, Костя, давай-ка мы отметим встречу.

– Само собой. А ты, Белый, в Москве – как? Живёшь или проездом?

– Живу, живу. Две квартиры здесь, так что сразу ко мне.

– Две квартиры в Москве? Круто! Одна кооперативная, другая – конспиративная?

Он расхохотался.

– Нет уж, Белый, предлагаю ко мне, в гостиницу. Сам подумай, как мне потом возвращаться, если посидим хорошенько? Ваши жадные менты на каждом углу будут интересоваться моей персоной.

– У меня заночуешь, без проблем. Или такси вызовем.

– Извини, люблю ночевать на своём месте. Поехали?

– Ладно, уговорил. Тогда на метро, что ли?

В подземке не повезло, сразу попали в плотную толпу. Но Белый словно и не замечал преграды. Лавируя между пассажирами, он ловко, как навазелиненный, проскальзывая

вперёд. И что интересно, безо всяких толчков локтями и прочего хамства.

Потом спрошу, как удаётся. Не зря во мне звучал Брамс, не зря...

Это ж надо, я поговорю с настоящим шпионом, пусть и бывшим; из первых рук узнаю все секреты. Мало что там в романах напишут да в кино покажут.

Выйдя из метро, сходу зашли в гастроном. Однако и тут случилась очередь. Мы поглядывали друг на друга, и зуд мой усиливался.

Нелегал – это вам не хухры-мухры. Тайные встречи с агентами, уход от преследования, явки и пароли. Шикарные женщины и охренительные машины. Фотоаппарат, замаскированный в галстук, стреляющая авторучка...

*Хочешь проверить, нет ли за тобой слежки – включи левый поворот, а сам поверни направо.*

*Хорошо отрываться у железнодорожного полотна.*

*– Как я вас узнаю? – Под мышкой я буду держать мотороллер «Тула».*

*– Спички есть? – Отсырели.*

*– Здесь посылают ракеты на Марс?*

– ...Костя?

– А?

– Что берём? Давай «Бостон»? Питерская штучка, мягкая.

Ну да, мы ж теперь обожаем всё питерское.

– А давай-ка лучше вон ту. «Гостиный двор – хлебная». Тмином пахнет, пьётся даже без закуски. И тоже, кстати, питерская.

Он хмыкнул. В итоге взяли ноль-пять «Бостона» и ноль-семь «Гостиного». И закуски, попроще. Так захотелось – попроще.

Знать бы заранее, какой урок преподаст мне эта встреча. Погибнуть мог запросто.

## Глава третья. Весёленький вечер

*Три дела, однажды начавши, трудно кончить:*

*а) вкушать хорошую пищу;*

*б) беседовать с возвратившимся из похода другом;*

*в) чесать, где чешется.*

### *Козьма Прутков*

Начали мы с «Бостона». Я потянулся за гостиничными рюмашками, но Белый посмотрел с укоризной. Нашлась пара гранёных стаканов, под их звон и выпили за встречу.

Хороша водочка! Чёрный хлебушек пахнет одуряюще. Сверху огурчик порежем, бутерброд называется. Колбаса, колбаса, я тебя сейчас сожру!

И не терпелось, ох не терпелось. Слаб человек. Но это же Белый, живой Штирлиц. Нет, ну как это он? В чужой стране, с поддельными документами. А попадётся? Хана, нелегалы ведь работают без дипломатического прикрытия. Им, если что, не высылка грозит, а тюрьма, и срок астрономический. А до того запытают до полусмерти...

Вспомнили наших ребят; говорил больше я. Не то, не то. Похоже, мой бывший однокашник догадался, кивнул: дескать, давай уже.

– Белый, а скажи, тебе там было страшно? Если что, мучили бы, да и сроки за шпионаж – ого-го.

– Да брось. Конечно, провал – это дерьмово. Но не смертельно. пытки, говоришь? Нет, коллег из России в нормальных странах не терзают. Не война всё-таки.

– А как же...

– Полиграф. Или психотропные средства. Пентотал, он же – тиопентал натрия, в просторечии сыворотка правды. Однако наши в тюрьмах подолгу не гниют, обычно удаётся обменять на ихних Джеймсов Бондам. Тем тоже неохота на шконках париться. Так что ампулу с ядом в зубе уже не прячем. – Белый достал пачку «Парламента».

– Ну, а ты чем живешь, Костя?

– Тоже на государственной службе, надзор по атомным делам. Преподаю немножко. Ещё книжки начал писать. Тут ниша свободная – популярная экология, да и радиация тоже. Грех мимо пройти.

– И как, получается?

– Есть такое дело.

– И? Небось купаешься, в зелёных-то?

– Не особо, честным трудом заработать проще. Вся жопа в мыле, а деньги не идут, а уходят. Чтобы книгу издать, мы вон дачный участок продали.

Белый встал и шутливо-торжественно пожал мне руку.

– А семья такой бартер одобрила? Землю – на книгу? Кстати, у тебя семья?..

– Дети взрослые. А жена затею поддержала, в расчёте на перспективу.

– Знаешь, если я женюсь (Эх, Белый, Белый! Когда же это случится?) – только на такой женщине. Слушай, познакомишь с супругой?

Ага, щаз – вспомнилась его голливудская улыбка.

– Что ж... будете у нас на Колыме – милости просим.

Белый заржал. Боже, как легко я купился...

– Ну, давай, – сказал он. – Между первой и второй – перерывчик небольшой. За перспективу!

Хотел спросить, отчего проваливаются разведчики – и не успел.

– Костя, а сам ты где обитаешь? Судя по гостинице и «У нас на Колыме» – не здесь. Тут курить можно?

Он достал зажигалку – «Зиппо» блеснула холодным хромом.

Я подставил блюдце.

– Как распределился, застрял в городишке под Свердловском. Из тех, что на картах тогда ещё не было.

– И как там? – он щёлкнул зажигалкой.

Тут меня и прорвало.

– Мерзко. Понимаешь, Белый – подъезды. Помнишь, как мы после пивка отлить ходили? Куда, выражаясь культурно?

– До ветра?

– Точно. А у нас наоборот, с улицы – в подъезд. От ветра. Не странно тебе? Так и до «Твин Пикс» недалеко.

– При чём тут «сладкая парочка»? – отшутился он. – В столице кое-где тоже русским духом пахнет. Я думал, что свои, дорогие москвичи. Но ты посеял семена сомнений, – он выпустил тройку дымных колечек. – Ладно, разберёмся. Операцию начинаем завтра. Кодовое название – «Туалет типа подъезд». Ну, за культуру!

Взглянув на столешницу, я невольно усмехнулся. Последние годы меня, стареющего зануду, раздражали всякого рода неопрятности. Да и запаха табачного дыма, как бросивший курить, терпеть не мог. Но сейчас...

– Белый, сигареткой угости.

– Ты же вроде некурящий?

– Тут закуришь.

Он щёлкнул хромированным чудом, я вдохнул щемящий дымок, выпустил через нос.

Что же хотел спросить? А, вот.

– Слушай, ты в метро так лихо сквозь толпу просачивался. А я, как ни толкался, за тобой не поспевал. Скажи секрет.

– А, так ты заметил? А вспомни, когда сам пробивался – внимание обращал на кого?

– На ближайших, кто сильнее мешал.

– Вот именно. Но неправильно. По уму-то действовать надо с упреждением.

## УПРЕЖДЕНИЕ...

Оно!

То самое, на замену *профилактике*.

*Упреждение!* Какое шикарное слово... Мощное, мужественное, даже военное. А вдруг позабуду? Но не записывать же открыто, не так он поймёт.

– ...с упреждением. Смотри на три-четыре персоны вперёд – и ты получишь двойной эффект. Первое – разглядишь, где впереди просветы. И второе – узришь заторы, куда тебе не надо. Люди же поймут, что ты к цели рвёшься, а не силой с ними меряешься. И не будут противиться.

Точно, двойной эффект. Эх, записать бы...

– Это ведь беда наша, Костя. Дальше своей жопы не смотрим, большую картину не видим. А ведь это и отличает людей от животных. У собак и кошек разум тоже имеется, но короткий, как у детей. Точно так и у многих наших сограждан. Посмотри хотя бы, что русские творят с валютой. Стоит доллару упасть – помчались сдавать. А почему?

– А правда, почему так?

– Люди психологически не могут вытерпеть снижения. Думают, курс и дальше опустится. А если бакс попёр наверх – затариваются под завязку. А ведь ежу понятно, что с большой высоты зелёный свалится обязательно: деревья не растут до неба. Везде в мире покупают, когда дешёво, а продают, когда дорого. Только не у нас.

Да, Белый прав, бумажки вечно дорожать не могут. Избавиться надо от своей зелени к едреней фене. Правда, баксиков-то у меня – с гулькин нос. Да, и про жопу он хорошо сказал. Записать надо, записать!

– Смотреть нужно вперёд! – разошёлся Белый. – Через два года что-то потеряет вес? Значит, это уже сегодня не играет роли. А ещё лучше планировать на пятилетку.

Верно, и запомнить легко. Книжка с таким названием есть. Корней Чуковский, «От двух до пяти».

Похоже, Белый нашёл во мне благодарного слушателя. Вряд ли он может так вот на службе выговориться.

– Думаешь, я народ простой не уважаю? Так ведь и олигархи наши ничуть не лучше! Никак не уразумеют, что деньги ещё не всё. Возьми хоть Вексельберга. Носится со своими яйцами Фаберже. Да на эти миллионы столько беспризорных ребят в человеческие условия можно бы пристроить! Мы-то это с тобой понимаем, а дяди эти – зажаты в тисках коротких желаний.

«В тисках коротких желаний!». Круто, хоть на диктофон пиши. Но копить больше нельзя – голова лопнет.

– На минуту отлучусь.

В туалете, он же ванная, закрылся на задвижку. При себе всегда держу кусок плотной бумаги и карандаш – тупой, чтобы не сломался. Как говорится, лучше тупой карандаш, чем острая память.

Анекдотец вспомнился. Сидят мужики в сортире – и через стенку:

– У тебя бумага есть?

– Не-а. Только карандаш.

Сейчас для памяти набросаем; чем короче, тем лучше.

Сперва главное: **УПРЕЖДЕНИЕ**.

Что там дальше? Да, провалы агентов, не забыть спросить про это. Так и запишу: «Провалы —?».

Ещё? Смотреть на перспективу, точно, «2–5 лет». А, да, метро – через толпу, двойной эффект: «метро x 2». И ещё что-то смачное... Во: дальше жопы не видим; зафиксируем – «жопы». А ещё? Доллар будет падать: «продать все \$». И, ага, Вексельберг, в тисках коротких желаний – «фаберже» и «тиски».

Уместилось на одной страничке.

## УПРЕЖДЕНИЕ

провалы— ?

2 – 5 лет

метро х 2

жопа

продать все \$

фаберже

тиски

Если что, ещё на обороте почеркаюсь; книжка-то моя записная в пиджаке осталась.

Итак, добыча стреножена. Попалась, теперь не ускакаешь.

В голове, освободившейся от груза, просветлело. Интересно получается. Сидим уже больше часа. При этом он про меня узнал много чего, а я-то о нём? А вдруг это правда? Что у нынешних рыцарей плаща и кинжала лишь карьера на уме? А что, если, и Белый скурвился? Потрошит меня, а я-то, лох, душу изливаю.

Стоп, ты что, охренел? Сам же пригласил, это же Белый! Но против фактов не попрёшь. Да, мне скармливают дельные мысли и метафоры, но о себе-то он – молчок. Нехорошо получается. Контрольный вопрос нужен, вот что.

Ого, «Бостон» уже на исходе.

– С облегчением, Костя! Народ готов разврат продолжить?

– Знамо дело. Послушай, а как ты служил там с такой особой приметой? – я огладил свою причёску. – Парик носил или наголо стригся? А может, красился, как Киса Воробьянинов?

– На себе не показывай, Костя. Ладно, открою тебе секрет. Меня посылали туда, где все такие же. – Теперь он пригладил белоснежную шевелюру.

Не понял.

Но Белый уже со стаканом:

– Слушай, а вот попробуй с трёх раз угадать. Что сильнее всего меня удивило, когда вернулся? Не в Союз, а в нынешнюю Россию?

– А долго ты в отлучке-то был?

– Восемь лет.

– Доллары, что их теперь купить-продать свободно можно?

– Ответ неверный.

– Преступность, коррупция? Да, Белый?

– Да ну, привычное дело.

– Сдаюсь.

– Пиво.

– А, что сортов нынче много?

– Не, как его пьют. Из бутылки, прямо из горлышка. Ты что, не помнишь?

Точно, блин! Найти пиво в Союзе было не так-то легко. Но уж если удавалось *достать* бутылочное, к нему полагались стаканы, причём каждому – свой. Из горла нельзя – будешь алкаш, ханыга. Чмо, сказали бы сейчас. И стакашки добыть – тоже проблема. Одноразовые тогда отсутствовали, зато стеклянные водились в автоматах с газировкой. Если кто нас

опережал, тару арендовали в буфете («Четыре чая, только без сахара»).

А с бочковым было ещё интересней... Именно Белый научил нас этому приколу. Опустевшую кружку, прихватив сверху, следовало крутануть на столе – чтобы вертелась долго-долго. И пока она вращается, нужно дойти до буфета – не добежать, а именно дойти! – «деньги – товар» – и с налитой вернуться, опять же шагом...

– Костя, что ли ты забыл?

– Обижаешь, начальник. Да, из горла несолидно – будто младенец из соски.

– Если не хуже.

Заржали мы одновременно.

– Давай свою долгоиграющую, – он протянул руку к непочатой бутылке. – Наливай! Ну, за догадливость!

– А как ты думаешь, Костя, почему нынче всё больше из горла посасывают? Зачем поплебейски, когда стаканов предостаточно?

Да, ведь и правда – существуют вековые традиции. К тому ж богаче вкусовые ощущения, когда пьёшь из толстого стекла – кружки или стакана гранёного.

– Теряюсь в догадках.

– А вспомни-ка рекламу: крутые парни лакают из бутылок. И картинку эту крутят по ящику – и раз, и два, и три. Зачем, как думаешь? А сообразили хитрющие дяди: из горлышка-то – куса толком не почувствуют, а значит, выпьют больше, да ещё добавят.

Так просто!

– Ничего, – продолжил Белый. – Скоро этому бардаку придёт конец. Мы тут один проект продвигаем...

Проект? Ну-ну. Ребята, у вас получится, как всегда.

– Расслабься, Костя, времена грубого управления прошли. Теперь имеем кое-что получше, – он помолчал. – Если так легко приучить из бутылок, то... то что?

– То что?

– А то, что настроить можно и на позитив. Методика отработана, меняй знак – и все дела. И чего ты лыбишься?

– Да так. Эсэсэр вспомнил. Вместе с капээсэс.

– Забудь, топорная работа, упор на затёртые словеса. Не ценили партийцы силу хороших картинок. Американцы опередили, возьми хоть Шварцеге... Шварге... тьфу ты... ну, Шварца. Разве Терминатор существует реально? Нет. Но есть, – Белый закатил глаза к потолку, – волшебная сила искусства. Повертели крутой фильм – и готово: в Терминатора верят больше, чем в губернатора. Что-то меня на поэзию потянуло. Плесни-ка по этому поводу.

– Ну, за искусство!

В голове зазвенели иронично-задорные ритмы из «Высокого блондина». Композитора забыл, молдавская такая фамилия. Или румынская?

– Хорошо пошла, – Белый прожевал огурец и уставился на меня, – Так мы о чём?

– Американцы. Телевизор. Терминатор. Губернатор. Поэзия. Искусство. Хорошо пошла.

– Молодец, – он хмыкнул, – отслеживаешь. Несмотря на, – он постучал ногтем по бутылке, – и даже вопреки. Смотри, что ещё америкосы удумали. У них ведь толстяков больше, чем в любой стране, вместе взятой.

– Да уж...

– А полному двигаться трудно, ему попа мешает. Призывали-призывали там граждан пошевеливаться, а результат нулевой. Пока не сообразили...

– Что именно?

– Да подключить того же Шварца. Ну вот, поговорил Арнольд с ихним народом – и знаешь, сколько сегодня тусуется в фитнес-клубах? Сорок миллионов! Костя, ты понял? Захочешь – толпами на физкультуру, пожелаешь – поголовно из горла сосут. Такая вот ситуёвина.

– Да ладно, у нас это не сработает. Не, на пиво-то мы всей страной. А так – нет. В России признают авторитет, если это дубовая сила.

– Правильно, психология рабская. Так ведь это облегчает задачу.

– В смысле?

– Феномен жёлтой обезьяны. Это из психологии, ты в курсе?

– Не особо.

– Как заставить человека думать о жёлтой обезьяне? Надо сказать ему: не думай о жёлтой обезьяне. Получается, с людьми можно сотворить что угодно. А учитывая поперечный характер нашего народа...

Обалдеть! Мы сидим с Белым и под водочку обсуждаем феномен жёлтой обезьяны! Не узнаю бывшего однокашника... Ах да, нынче-то он – вона где служит. И явно использует чужие мозги и навыки. Точно, как и с атрейским способом, сорок лет назад.

Вот теперь-то ясно, откуда он черпает. А то я уж было начал подозревать... Да нет, мы бы пересеклись тогда в Академии; хоть разочек, да встретились. А может, он из первого сектора? А чего гадать, можно же будет проверить.

Но что-то я хотел ещё спросить...

Незаметно заглянул в шпаргалку: «Провалы —?». Ах, да.

– Белый, да чёрт с ней, с обезьяной. Вот объясни, почему наши за бугром стали так часто прокалываться? Вроде же их... вас готовят серьёзно?

– Ну, разумеется, – он махнул рукой. – Но против лома нет приёма. Сдают наших, Костя, свои же сдают. Раньше как бы из любви к свободе, а сегодня – к денежкам, – он сжал кулаки.

– Слушай, я сигаретку стрельну ещё?

– Бери, чего спрашиваешь.

– Благодарствую. Ну, а другие причины? На чём чаще всего ловят разведчиков?

Он улыбнулся.

– Видишь ли, у каждого человека имеется ахиллесова пята. Главное-то закладывается в детстве. Позволишь слабинке перевесить – и готово. Я не говорю о пустяках, что легко отследить, ну, там, вилку держать в левой руке...

– А огурец – в правой.

– Ага. Или взять, к примеру, манеру стряхивать пепел. Ты вот это как делаешь?

– Аналогично, как все. В смысле, как всегда.

Постучав по сигарете указательным пальцем, я сбил с неё пепел.

– Именно что – как всегда. Но не как все: на Западе так не делает никто. Знаешь, сколько я переучивался, чтобы по-ихнему?

Концом сигареты он коснулся края блюдца – пепел отделился.

– Видишь, у меня это на автомате.

– А ещё?

– Ну, не матюкнуться по-русски, когда перепьёшь, да много чего.

Он достал авторучку, открыл записную книжку на чистой странице и протянул мне.

– Представь, ты на задании в Штатах.

– А что писать-то?

– Сегодняшнюю дату.

Не, на это нас не купишь. Знамо дело, сперва там пишут год и месяц, потом день:

**2006 /8/17**

– Всё, – Белый изобразил свирепое лицо. – Ты арестован!

– Но подожди, на чём...

– Вопросы здесь задаю я! Где ты зарыл парашют? Будем запираяться или сознаваться?

Он сделал вид, что прижигает сигаретой мою руку.

– И в чём я промахнулся?

– Ты споткнулся о крошечную чёрточку.

– ?

– Костя, ты перечеркнул семёрку горизонтальной полочкой – а так делают лишь русские.

Всё, конец тебе. А ну, быстро! Имена, пароли, явки! В глаза смотреть! На кого работаешь?!

Он жажнул по столу ладонью.

Ну, блин. Век живи...

– Давай, Белый, выпьем, чтоб наши не попадались.

Надо бы и про ихних шпионов справиться...

– Нельзя, Костя, контролировать своё сознание постоянно, рано или поздно – но что-то наружу вырвется. Больше скажу, у нынешних людей почти все мысли – вовсе не их собственные.

– ?

– Вспомни, как нас учили классики. Бытие определяет сознание.

– А разве не так?

– Сегодня всё иначе – всё через экран. Понимаешь?

Пока ясно одно: меня пытаются отвлечь от интересной темы. Вместо шпионских секретов он суёт какую-то тягомотную философию. Не лучшая тема для разговора за бутылкой.

– Вот раньше уклад мыслей от чего зависел? От семьи, от друзей, от улицы, от важных для нас людей, – Белый говорил медленно, и такой темп завораживал. – А сейчас бал правит авторитет по имени *Телевизор*. Или, больше у молодых – Интернет. Но ведь на экране вовсе не сама жизнь – но лишь производная от бытия. А сознание – вторая производная. Понимаешь: вторая производная – зависит, от того, чем нас пичкают. *Вторая производная...*

Он явно ждал ответа, но вопроса-то не было. И снова показалось... Ладно, проверим. Только аккуратно, чтобы комар носа не подточил.

– Согласен, правильно. Но односторонне. Да, истинная информация дороже пережёванной. Но настоящую-то получить непросто. Удаётся разве что профи, журналистам да разведчикам. Поэтому они и улетают. Кто из газеты или с канала, а кто, – тут я сделал небольшую паузу, – в *грунт, на минус полтора*.

Это был пароль Академии метанаук. Теперь надо выдержать, не меньше трёх секунд. Ноль. Один. Два. Три. Не отозвался. Значит, не из наших. Жаль... Зато теперь можно расслабиться. Хотя нет, ещё рано. Он должен забыть *ту* фразу.

– Белый, а вот скажи: как надо уходить от вооружённого противника? Я слышал, мол, от метра до двух – дистанция смерти.

Вроде бы у меня получилось – этак незаметно сменить тему.

– Как уходить? Быстро.

Я хихикнул.

– Ценю твой юмор. Но представь такое. У супостата пистолет, снятый с предохранителя. А ты безоружен и никакими спецприёмами не владеешь. Но коль не оторвёшься – тебе хана. Так вот интересно, может, новые наработки появились? Или безнадёга, как тогда – против атрейского способа?

Белый расцвел. Но главное, он выпустил из памяти *ту* фразу.

– Я догадался. Тебе нужны детали для новой книги?

– Ну, блин! Ты опасный человек, мысли читаешь прямо.

– Ладно, слушай. Да, ты прав, шанс появляется при дистанции три метра и более. И если терять нечего...

– Но как именно, делать-то надо что? Я правильно понимаю, нужно петлять зигзагами?

Он хохотнул:

– Вот-вот, хорошо сказал. Зигзагами, да ещё петлять – это круто. А главное, тикай в левую сторону от неприятеля. Но в Израиле лучше удирать вправо.

– Логично – так ближе до канадской границы, да? Издеваешься?

Он снова рассмеялся:

– Ни в коем разе. Психология стрелка – вот в чём секрет. На Западе пишут слева направо, и привычка эта сидит в подкорке. А раз ты перемещаешься влево, врагу придётся вести ствол и целиться как бы против почерка. Поперёк желания.

Ах, чёрт! И фразочка сильная, *поперёк желания*.

– Слушай, а вот ещё... Про наших агентов я понял. А как насчёт ихних шпионов – они-то на чём палятся?

Он улыбнулся:

– Тоже на мелочах. В России вообще трудно работать, если вырос не здесь: менталитет резко отличен.

– А всё-таки? Семёрку не перечеркивают? Или пить не умеют?

– Не в этом дело. Насчет пить, так их учат, как не опьянеть; ещё пилюли есть специальные, так что могут держаться почти наравне с нашими. Но опять же, – он задумался. – Вот случай был, уже здесь, в России. Пасли мы двух субчиков, но твёрдой уверенности не было. Решили проследить поплотнее. А у тех, видать, уже были подозрения насчёт слежки, больно грамотно зашифровались. Как-то взяли они литровую – и к себе в номер.

– Что ли они в гостинице остановились? – спросил я.

– Ну да, а комнату мы на прослушку поставили. Поначалу всё шло по-нашенски: матерки там, окурки в форточку. А потом – во идиоты! – бутылку не прикончили. Костя, там ещё граммов двести – а её, ещё живую – в холодильник. Скажи, ты вот на такое способен?

– Да это же кощунство! Так надругаться над национальной святыней! Поматросить и бросить.

– Точно, – кивнул Белый. – И эта вот недопитая улика помогла вывести засланных казачков на чистую воду. Кстати, давай выпьем.

– Давай! Чтоб наши дети за трамвай не цеплялись!

Белый вновь рассмеялся – наверняка вспомнил наши трамвайные приколы сорокалетней давности. Он хохотал, точно зная, что я думаю о том же.

Отсмеявшись, Белый махнул стакан, захрустел огурцом.

– Или вот, последний случай на моей памяти. Вели мы одного субчика. Гад оказался

опытный, мы и кличку ему присвоили соответствующую – *Супер*. Вёл себя ну оч-чень естественно, даже переигрывал. Душ принимал раз в неделю, не чаще, сморкался на тротуар, и, кстати, регулярно ссал в подъездах. А уж насчёт матюков, так прямо виртуоз. Видать, готовили лучшие спецы по России, из перебежчиков. Мы уж засомневались, мол, всё чисто. С глубоким прискорбием приносим свои извинения. Ан нет, прокололся! И знаешь, на чём?

– Ну-ну-ну?

– Подвернулась у нас зимняя рыбалка. И нашли-таки повод, Супера этого тоже взяли. Начало марта, ещё морозило прилично. Мы-то закалённые, а после двухсот граммов, сам понимаешь, никакой холод не страшен. Разогрелись, рассупонились. И эта сволочь тоже, даже шапку снял. Чтобы его вражеская морда не отличалась от наших. А закалка-то не та, аж посинел весь. Я ему говорю, нормальным русским языком: «Ты что? Надень нахуй шапку, а то голова замёрзнет». Наш бы отшутился, типа: «Вот уж хрен. В прошлый раз в ушанке был, водку предлагали, а я не услышал». А этот чудик что сделал? Ну, ты понял?

Ещё бы, анекдот не новый. Но какая аранжировка!

Только теперь мне стало ясно, что так притягивало нас, пацанов, к Белому – его уникальные знания и навыки. Не считите за нескромность, взять хоть вашего покорного слугу. Да, эрудирован. Но и только. Да, ребята это ценили, задачку просили решить и так далее. Но такие способности не из разряда особых. При желании почти любой, перелопатив кучку книг, может стать продвинутым. А Белый – это другое. Внутренняя сила, что проявляется через весёлость. Независимость. Мужественная красота, наконец.

Чем-то напоминает Фиделя. Да, команданте Фидель Кастро Рус – родной человек из *той* жизни. Кстати, похожий нюанс обыграл Чак Паланик в книге «Бойцовский клуб». А ещё лучше – в одноимённом фильме. В Голливуде, что ни говори, работать умеют.

Надо бы записать... Ладно, пока так узелок завяжу: Фидель, Бойцовский клуб. Только не потерять бы...

– Костя, а «Коричневую пуговку» не забыл?

В самую точку! Песня из нашего детства. В пятидесятых её распевали в детских садах и младших классах. А в шестидесятых мы, как сейчас помню, горланили в общежитии, уже хохмы ради.

Слова отложились в памяти слабовато, зато сюжет врезался. Там вражеский диверсант пуговку потерял от штанов. А мальчишки-пионеры, они её нашли на дороге. Смекалка сработала, дали знать куда следует. Лазутчика, само собой, изловили – повязали – изобличили. Граница на замке.

Здóрово в тему.

– Ну что, попробуем?

Мы дружно заблажили:

*А пуговки-то нету! У заднего кармана!*

*И сшиты не по-нашему широкие штаны.*

*А в глубине кармана – патроны от нагана*

*И карта укреплений советской стороны.*

Тут у нас вышел спор, как правильно: *патроны от нагана* или *патроны для нагана*? Я утверждал, что – *от*. Ведь если – *для нагана*, возникает резонный вопрос: а где сам наган для

этих патронов?

Белый возражал, настаивая на варианте – для нагана:

– Пойми, если оставить «от», возникает не менее резонный вопрос: а где сам наган от этих патронов?

В конце концов нашли компромиссный вариант:

*А в глубине кармана – патрон и два нагана,  
И карта укреплений советской стороны.*

Так получилось даже лучше... Не забыть бы про Фиделя и Бойцовский клуб. И ещё – поперёк желания.

– Да, Белый, два нагана – это круто.

– Гораздо круче, чем один.

– Целых в два раза.

– Точно. На сто процентов, Костя. Иначе говоря.

– Но одну вещь мы с тобой проморгали: каким образом войдут в его карман два револьвера?

И тут Белый показал высокий профессионализм:

– Ты пропустил важную деталь.

– ?

– «...сшиты не по-нашему широкие штаны».

– И что это значит?

– Спецпошив. Это не простые штаны, а шпионские. Суть не в том, что карман глубокий и штаны широкие. При спецпошиве карман незаметно переходит в гульфик. А туда – не то, что наганы – чёрт войдет. С рогами и с копытами.

– Толково! Ты классный аналитик, Белый!

Он, слегка покачиваясь, встал из-за стола, вытянулся и неожиданно грянул троекратное «ура».

– Да, Белый. Но скажи, на кой хер диверсанту два нагана?

– Не въезжаешь? Стрелять по-македонски, с двух рук одновременно.

– Точно! Стрелять по-македонски и качать маятник.

– Ого! А ты не такой простой, каким кажешься. Дурил меня? «Петля зигзагами».

– Растём над собой. Но только...

– Что?

– По-македонски – с одним-то патроном?

Мы грохнули – в стену застучали соседи.

– Да уж. – Он вытер слёзы тыльной стороной ладони. – Врагу остаётся лишь качать маятник.

– И уходить – влево, против почерка. Петля зигзагами и заматывая следы...

– Отмахиваясь спецгульфиком, замаскированным под карман.

Стучали уже в дверь, но мы не открыли.

*– Кто стучится в дверь моя?*

*Видишь – дома нет никто.*

– Молодой хозяйка дома?

– А зачем тебе его?

Похоже, я захмелел. Не опьянел, а именно захмелел, как бывало раньше, в юности. И было весело. Весело, а не смешно. Это разные вещи, близкие, но разные. Рассмеяться можно от похабного анекдота или от щекотки. А веселье – состояние души, оно идёт изнутри, от сердца. И водка здесь ни при чём. Пьяным я не был, ни в одном глазу.

– Белый, давай-ка выпьем за... за нашу единую, могучую, никем не по... никем не победячую. Чтобы всякий, кто посягнёт... или покусится...

– Давай, Костя. Стоя и до дна.

Захотелось продлить вернувшуюся свежесть чувств (не забыть про *Фиделя* и прочее). К тому же меня осенило стихом.

– Белый, мы с тобой понимаем, что даже безоружный враг опасен. Мало ли что один патрон.

– Да уж. Загнанный зверь ещё злее.

– Однозначно. И мне в голову пришла мысль, в виде поэзии. Надо, чтобы народ, как раньше. Ну, замечал коричневые пуговицы. И это самое, куда следует. Прочту, если хочешь.

– Давай, давай. Правильно мыслишь, Шарапов. Раз дело важное, действовать надо превентивно.

О! О-о!

ПРЕВЕНТИВНО...

Какое верное слово... Ещё один самородок, не хуже *упреждения*. Вот подфартило! Только не забыть: *Фидель*, *Бойцовский клуб* и, главное, *превентивно*. Чудное слово, звучное, реальное. Ну, Белый, ну титан! Всё, абзац *профилактике*.

Приятель мой ждал обещанного, и я продекламировал:

– *Враг хитёр и коварен, как лисица,*

*Обо всем подозрительном сообщай в милицию.*

Ну как? Пятёрку хочу, даже с плюсом. Ну, не тяни же.

Он потёр лоб:

– Вот что, Костя. Как поэзия – это гениально. Но вот эффективность... Пока смежники передадут информацию к нам в контору, то-сё – время потеряем. А враг, сам говоришь, хитёр и коварен. Уйдёт, сволочь. Тут нужно действовать оперативней, сразу же дать знать – кому положено. Чтобы вражина был обречён. И знал бы, гад: остался один патрон – застрелись. По-македонски.

– Логично. Ты меня вдохновляешь, как Анна Керн Пушкина. Слушай тогда:

*Враг коварен и мерзок, как «бэ».*

*Обо всем подозрительном сообщай в ФСБ.*

Ну разве я не гений? А где же аплодисменты?

– Костя, не в обиду будь. Но... Нет, нет и нет! Я знавал таких очаровательных «бэ», – он

закатил глаза. – А ты их – в один ряд со злодеями. Попахивает очернительством прекрасного пола.

Эх! И по рифме, и по смыслу мой шедевр казался не хуже штатных виршей советских времён, что висели на стенах режимных помещений. Кто постарше, помнит:

*У врага звериная злоба – поглядывай в оба.*

А ведь их-то сочиняли лучшие государственные умы, профессионалы. М-да. Обидно, понимаешь.

Зато какая попалась крупная дичь – «превентивно». Взять на карандаш! Скорей туда, в санузел совмещенный.

– Сейчас вернусь.

Стул по дороге опрокинул – плевать. Вперёд, только вперёд! Выражаясь романтически, графиня с обезумевшим лицом бежит в сортир.

*Превентивно!* Теперь *Фидель*. Что там за мысли? А, да. Из уважения запишем полностью: *Команданте Фидель Кастро Рус*. И в скобочках – *(родной)*.

Кажется, что-то позабыл? Ну конечно: *Бойцовский клуб*.

Осталось какое-то свежее выражение... во: *поперёк желания*.

Всё? Свободен, наконец!

Заглянул в зеркало, висевшее над раковиной... Что-то всплывает... А, Косма́. Конечно, Владимир Косма́ – вот кто автор игривой мелодии к «Высокому блондину».

Спустив из бачка воду, стёр полотенцем отпечатки пальцев с обоих кранов и дверной ручки. Превентивно, да.

Эх, хорошо сидим! А то ведь как часто бывает? Встретятся после долгой разлуки старые приятели, а говорить-то им не о чем. Оказывается, разошлись за годы их дорожки. А вот с Белым у нас всё путём.

Вспомнилось прежнее наше развлечение – *трамвайчик*.

Перво-наперво мы скидывались на горькую, за два восемьдесят семь. Лишь Белый не платил – за свою будущую добычу.

В трамвай мы садились в начале проспекта Ленина. Двое из нас фиксировали двери открытыми; водители тогда относились к подобному терпимо: ну, шкодничают пацаны, что с них взять.

Белый изображал поддатого паренька; вскоре поллитровка якобы случайно выскальзывала у него из рук, а он как бы чудом её подхватывал. Через минуту-другую бутылка снова падала на пол, а Белый еле успевал подвести ступню.

Намеченная жертва, обычно немолодой дядька, начинала волноваться. Белому предлагалось: давай подержу, разобьёшь ведь. Всё, наживка заглочена. С этого момента наш лох глаз не отрывал от сосуда с драгоценной жидкостью. Казалось бы, какая тебе разница, разобьётся или нет – водка-то не твоя. Ан нет, был интерес. Белый обозначал его мудрёным термином: синдром приобщения. Психолог, блин.

Дальше начиналось главное. Белый, подойдя к самой подножке, упускал-таки бутылку из рук, и та, в полном соответствии с законом Ньютона, летела к проносящейся внизу брусчатке. Но. Но в эту секунду случалось немыслимое. Белый, скользя рукой по поручню, резко, почти падая, приседал на одной ноге. Вторая лапа выстреливала вниз, вдогонку

ускользающему в бездну небытия сосуду; пуляла – молниеносно, как язык хамелеона. Раз-раз – Белый подводил ступню под доньшко, и тут же его хитрющая задняя конечность ускорялась вверх. Бутылка, кувыркаясь, взмывала в небо, Белый с ошеломительной небрежностью, не глядя, вынимал её за горлышко. Махом поднимался – раз-два – и опять неловкий парнишка. Сладчайшие секунды – любование мордой лица пациента. Взрослого дяхана, подло обманутого салагами. Душераздирающее зрелище.

Спустя миг от нашего гогота в трамвае чуть не лопались стекла.

Подобные затеи не всегда сводились к издевательствам над одинокими мужичками. Как-то раз и взрослых оказалось четверо. И они были не случайные попутчики, а тоже *группа*, хотя держались, как и мы, не кучно. По всему видно – команда с мощными локальными связями. И нити замыкались на неприметно одетом крепыше с короткой стрижкой.

Он стоял у окна, разминая крепкими пальцами папиросу-беломорину, и улыбался. Странная улыбка. Чувствовалось: закури он сейчас в полном трамвае, слова никто не скажет. Законное превосходство ощущалось и в ухмылке, и в хозяйской позе, и в том, как остальные трое оглядывались на него.

Едва заметно я кивнул Белому на кряжистого. Белый взглянул мельком; но мимоходом не получилось, взор его задержался. Тот безразлично смотрел на Белого. Необычные переглядки. Эти двое знакомы точно не были, но что-то общее их связывало. Лёгкой усмешкой дернулся уголок рта у стриженного – и он отвернулся к окну.

Белый кивнул, мол, продолжаем. И операция та прошла успешно: двое из четверых клюнули.

До сих пор удивляюсь, почему нам тогда не навешали да водку не отобрали? Похоже, у этих граждан имелись дела поважнее, чем проучить зарвавшихся фраерков. Или стриженный, глядя на Белого, вспомнил себя в юности – и не дал «фас» корешам.

Возвращённый с того света сосуд оставался у своего спасителя: *кесарево – кесарю, а белое – Белому*.

И что за потребность была такая? На время мы успокаивались, а потом снова тянуло на *трамвайчик*. Проходил месяц-другой, и прочие предложения («А не пошершеть ли нам ля *фам?*») или знаменитое «Из всех искусств для нас важнейшим является вино») единогласного одобрения не получали. Зато *трамвайчик* звал неудержимо. Откуда это жгучее желание покуражиться?

Как примитивно давалось в юности душевное веселье!

Идея! А спущусь-ка в гастроном да прикуплю ещё пару бутылочек. Одну мы уговорим точно, уж больно хорошо сидится. А вторую возьму в руки: «А давай, Белый, прокатимся на трамвайчике?». И рассмеёмся мы, как раньше.

Вернулся в комнату. Стакан мой оказался заполнен на треть, а Белый булькал «Гостинный двор» в свою тару.

– Да не стесняйся, Александр Павлович! Записывай уже без конспирации.

Ослепляющая вспышка!

Испепеляет всё живое...

Тлеющие развалины...

Всё покатило к чертям. Никаких посиделок-пошумелок, вопросов-ответов, шуточек-приколов. Пусть я был навеселе, но одно-то помнил точно: визитной карточки я ему не давал. Собирался, но не успел. Не мог Белый знать моего отчества, никак не мог.

Значит, пока я тактично спускал воду из сливного бачка, тут шарили в моём пиджаке,

документы разглядывали. Внаглую. Не зря я сомневался – он уже не прежний Белый. Зомбированный слуга системы – вот кто это теперь. Гэбуха и есть гэбуха. Что там нёс голубчик, про вторую производную? Ну, точно, вербануть меня хотел, втянуть в делишки ихние. «Мы продвигаем один проект». Как же, проект. Знаем, знаем, как нынешние родине служат. Пистолет под мышку, сто грамм на грудь – и по бабам. И стихи мои ему херовенькие.

Белый наполнил свой стакан почти доверху, остатки вылил в мой. Получилось поровну. Миллиметров десять до краёв, хоть линейкой проверяй. Профессионал. В штатском.

– Ну что, на посошок? Костя, а ты можешь, как раньше? Как чай?

Мой сильнейший номер, он и это помнил.

Достав из холодильника чайную заварку, долил стакан доверху. Всплыли строки:

*По несчастью или к счастью*

*Истина проста:*

*Никогда не возвращайся*

*В прежние места* <sup>[1]</sup>.

Пил я мелкими глотками, смакуя, с короткими перерывами. Со стороны казалось, что вовсе и не водку.

Нет, ребята-демократы, – только чай.

Да, возраст и длительное отсутствие практики сказывались. Но я выдержал испытание, растянув процесс минут на пять. Правда, глаза сочились слезами, а горло сжимали спазмы. Понятно, зачем Белому понадобился прикол с «чаем». Для психологии. Лучше всего запоминается последняя фраза. Штирлиц грёбаный.

Белый, приняв залпом, закусил остатками бутерброда. Я – нет. Чай не закусывают.

– Молодец. Есть ещё порох в пороховницах.

– Легко, – водка так и просилась назад.

– Хорошо посидели. Ладно, давай прощаться. Может, ещё свидимся? – он набросил пиджак.

– Может быть. Встретишь кого из пацанов – от меня привет.

Провожая до дверей. Жмём друг другу руки и долго смотрим глаза в глаза.

По-хорошему бы – вымыть посуду и в душ, – но сил хватило лишь завести будильник.

В беспокойном сне виделся мне Белый. Но не теперешний, а прежний, из золотых шестидесятых.

– Встаём по одному, – произносил он вкрадчиво. – Идём тихо, не привлекая внимания.

Через Москву пробиваемся на метро.

– Понял. Так легче затеряться в толпе? – отзывался я.

Белый вздыхал:

– Нет, Костя, не так. Потому что в метро есть эскалатор.

Сон повторялся много раз и измучил меня запредельно.

## Глава четвёртая. Хмурое утро

*Напишу я на вас неотвязные лозы,  
И род ваш проклятый джунгли сметут,  
Кровли обрушатся, балки падут,  
И карелою, горькой карелой дома зарастут.*

*Аркадий и Борис Стругацкие, «Улитка на склоне»*

Голова прямо раскалывается. А каков я в зеркале? М-да... Как там у поэта:

*Золотая рыбка, жареный...*

Нет, не так. А, вот:

*Жареная рыбка,  
Дорогой карась,  
Где ж ваша улыбка,  
Что была вчерась? [\[2\]](#)*

Ох ты, мне ж ещё на симпозиум переться, потом фуршет. Ох, не хочу, уже нафуршетился. Но вот одно дело отложить никак нельзя: надо разделить добычу. Где моя шпаргалка? И что ж накануне так восхищало?

УПРЕЖДЕНИЕ  
провалы— ?  
2 – 5 лет  
метро х 2  
жопа  
продать все \$  
фаберже  
тиски

**УПРЕЖДЕНИЕ** – это да! Настоящее золото, бегом в записную книжку. А ещё ведь и **ПРЕВЕНТИВНО!** Я нашёл-таки слово, да не одно! Сладкая парочка – сверкает словно Эльбрус двойной вершиной. Уже не зря в Москву приехал! Так, а что у нас дальше?

**Провалы.** Ага, это о провалившихся агентах. Но почему с большой буквы да к тому же с вопросом? Не тормозим, дальше, дальше.

**2–5 лет...** Хм, за что же нынче столько дают? За провалы? А коль **зажопят** в метро, срок **удваивается?** Неясно, однако тут надо, как с кроссвордом – вперёд и на одном дыхании.

*Продать все \$.* Не просто доллары, а **все** доллары. Это что же, снова срок за валюту, как при советской власти? Да нет, сейчас будет проще, баксы отберут без церемоний. А будешь упираться – по *фаберже* напинают. Или уведут к себе, а там в *тиски* зажмут. Тут не то что доллары – последние рубли отдашь.

Нет, какая-то хрень получается, похоже, здесь другой смысл. Эх, Александр Павлович, тебе важную инфу слили, а ты и закрепить-то не сумел.

Странно. Вроде и не шифровал особо, лишь сократил немного. Но что же мешает? И не бодун тому виною. Но где же, где барьер?

Ответ пришёл вдруг. Пакостят две вещи. Первая – стакан. Причём не мой, а Белого, с водкой почти доверху. В этой последней порции было что-то гадкое. Так вот же он, правда, пустой. Стакан как стакан. И две порожние бутылки на полу.

Ладно, позднее разберёмся. Что тормозит ещё? *Вторая производная.* А этот гондурас с чего бы беспокоил? Господи, башка моя бедная!

Попробовать шаргалку с обратной стороны?

ПРЕВЕНТИВНО Команданте ФидельКастро Рус (род- ной) Бойцовский клуб поперёк желания
--

Четыре строчки, не считая *ПРЕВЕНТИВНО*. Но и здесь возникает вопрос: почему *Фидель Кастро Рус* я записал целиком? Плюс *команданте*. Да ещё с эпитетом – *родной*. Хм, полное имя в комплекте с воинским званием – а может, я тем самым хотел зашифровать так само слово – «*полностью*»? Но как связать *Фиделя* с *Бойцовским клубом*? А хрен его знает... Вернёмся назад, на прежнюю страничку.

Боже милостивый, так вот же оно, недостающее звено! Ну да, тот жуткий эпизод из фильма «Бойцовский клуб»! Полный пипец!

Тут не о тисках уже речь! Они сделают *полное кастро* моему *родному «фиделю»*. По самое *команданте*, чтобы уже ничего не выросло. Точно, блин. Сам Путин тогда обронил, мол, есть у нас специалисты и по этому вопросу... Кто бы сомневался. Правда, президент окоротил таким образом какого-то француза. А тут Фидель Кастро Рус. Да кто будет разбираться – *рус* ты или не *рус*? Раз уж *превентивно*, то, как говорится, лес рубят – щепки летят.

И насчёт *поперёк желания* – умри, лучше не скажешь. А хорошо бы уточнить: процедура коснётся только оппозиции? Или беспартийных тоже? Огласите весь список, пжалста.

Я потряс головой: во идиот! Так нафантазировать можно что угодно. Давно замечено: кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнётся как следует.

Не то, не то. Не раскрывается по-быстрому невольный ребус. Мешает долбаный стакан. И хватит уже себя дурить, всё ты уже понял. Привет из Академии... Надо же – так вляпаться: застрял-таки в подкорке негативный блок. И оставлять там отравленную занозу нельзя. Потому как известно, что будет дальше. Вернее, чего не будет.

Ни одной новой книги. Строки, которые чего-то стоят, требуют изменённого состояния сознания, именуемого вдохновением. А откуда ему, вдохновению, теперь взяться? Вон,

собственная бумаженция с дюжиной слов – и то не читается.

М-да. Попили водочки, называется. Конечно, «Превентивно» и «Упреждение» – трофеи ценные. Но какой прок от добычи, коль нести её некуда?

Будь я работягой, столяром-слесарем («Возвращаюся с работы, рашпиль ставлю у стены»<sup>[3]</sup>), – ничего бы страшного. Ну, запорол пару-тройку деталей – с полочки бы возродился. Но здесь, если кураж ухнет, пиши пропало. Не только с книгами, по жизни не поднимешься. Отлучили меня от источника, вышвырнули из потока.

Сидеть и ждать, как невеста на выданье – себе дороже. Значит, что? По всему выходит – не обойтись без ментальной чистки. Только она способна вытащить из моей башки инородный осколок – зловредный стакан.

А, может, оно и к лучшему? Заодно в Академию загляну, пусть и с чёрного хода. Вот и выясним, стоила Москва мессы. Правда, и риск немаленький, проблему невозвращенцев никто не отменял. Как там? «Нам не нужны трупы на скамейках». А, ладно. Где наша не пропадала...

Решено, сегодня же. Но перед серьёзной работой мозгам нужен отдых. Координатору звонить придётся, отпрашиваться.

– Да, слушаю.

– Семён Петрович, привет! Константинов это. .

– Утро доброе, Палыч.

– Доброе, да не особо. Что-то поплохело мне, командир, нездоровится. Хочу сегодня сачкануть, не возражаешь?

– Это как же? Фуршет лишь намечается – а тебе уже плохо? Ты что, и вечером не появишься?

– Ох, не хотелось бы.

– Как знаешь. Давай, выздоравливай.

– Добрая ты душа, Петрович.

Завёл будильник на одиннадцать и упал досыпать.

- Почему с оркестром?
- Ваше Величество, ситуация сложная. Сначала намечались торжества. Потом – аресты. Потом решили совместить.

### К/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

До Лубянки я доехал на метро. Вот и знакомый скверик, прежняя скамейка. Можно начинать – я присел. Стоп, а часы? Ну да, вечером заводил. Но тут случай особый, лучше перебдеть, чем недобдеть. Закрутил головку своего «Полёта» до упора.

Теперь нужно освежить в памяти правила ментальной чистки. Хотя тренинги Академии буквально впечатались в память – так виртуозно проводил их инструктор.

В первую встречу, как только он вошёл – высокий, по-военному подтянутый, – словно волна прокатилась по залу.

– Лучший чистильщик Академии, – прошелестел за моей спиной женский шёпот.

Говорил инструктор отчётливо и неторопливо.

– Нам не нужны трупы на скамейках. Вы можете вернуться без добычи. Допустимо потерять трофей в дороге. Но возвратиться вы должны обязательно. Помните: главное правило – третье. Оно стоит двух первых, вместе взятых.

– Итак, правило первое, – продолжал он. – Максимальная свобода. Не зацикливайтесь на логических схемах, дайте волю чувствам. Если душа, как утверждает религия, существует, она обретается, как доказывает наука, в правом полушарии головного мозга.

– Правило второе: подъём используйте для решения попутной задачи. Не разбрасывайтесь, выбирайте единственную – но важнейшую.

– Правило третье – и последнее. Всегда возвращайтесь. Повторяю, – он понижал голос. – Возвращайтесь. Вы должны думать не только о себе. Держите в сердце Академию. Не забывайте: много смертей при хороших прижизненных показателях – это всегда вызывает подозрения. Ещё раз: нам не нужны трупы на скамейках. Вопросы? Вопросов нет.

Дальше начиналось главное – практические занятия.

Итак, с правилами ясно. Теперь очередность. Три стадии ментальной чистки. Стадия первая – погружение за сокрытой от сознания информацией, или *чистилище*. Стадия вторая – подъём из виртуала в реал, или *эскалатор*. Стадия третья – *актуализация*, или расшифровка добытого. Смогу ли?

Главная проблема – в стакане. Гранёный стакан. С водкой. Причём не мой, а Белого. И попутно хорошо бы решить другую загадку – *вторую производную*.

Всё? Всё. Пора.

Что там часики мои? Пока идут, как положено. Маленькая стрелка замерла на цифре «12», большая неумолимо к ней подбирается. Пожалуй, всё случится в полдень. Как говорят военные, в двенадцать ноль-ноль.

Что-то происходило на площади, похоже, её начали блокировать. Нагнали целую кучу гаишников да спецназовцев. И роту бойцов, все в бронежилетах, касках и с автоматами. И с ранцами за спиной. Интересно, что там внутри?

Картина как на ладони. Вчера не заметил – а скверик-то, выходит, приподнят над

площадь, и промеж ними – лестница, конца-края не видать. Как же я это раньше не разглядел?

И правда – началось. Вон как слаженно действуют, в жизни так не бывает.

Гаишники носятся, как муравьи перед дождём, ни одного лишнего движения. Одни перекрывают проезды, ведущие к Лубянке; другие сбрасывают с подъехавшего КАМАЗа чугунные столбы на бетонных стаканах-основаниях; третьи расставляют их по кругу. Прочие навешивают на эти опоры канат с красными треугольными флажками. Остальные тормозят пешеходов, приблизившихся к огороженному участку.

Спецназовцы, оцепившие натянутый канат двойным кольцом, стоят попарно спинами друг к другу, сосредоточенно глядя перед собой – наружу и внутрь охраняемой зоны.

Бойцы выдвигаются на перекрёстки, где в Лубянку вливаются улицы.

Что у меня на циферблате? Двенадцать ноль-ноль – и стрелки замерли. Главное, чтоб не навечно.

Послышался мощный гул – и со стороны Театрального проезда показался огромный тягач. На подобных машинах прежде на парадах возили МБР<sup>[4]</sup>, но этот был ещё крупнее: отъезжающий КАМАЗ на его фоне смотрелся пигмеем.

Монстр пытался въехать на Лубянку, не задевая ограждения; он медленно выворачивал оглобли, но протиснуться не получалось. И гаишники здесь были без пользы: слишком размеристым оказалось стальное чудище.

На тягаче, в центре гигантской, с баскетбольную площадку, платформы воздымался памятник: Железный Феликс. В длинной шинели с кровавым подбоем. А вокруг монумента замерла толпа необычно одетых – одни обмотки чего стоят – людей. И тут же – сверкающий металлом герб: орёл с двумя головами, увенчанными крупными рубиновыми звёздами. В правой лапе хищная птица сжимала молот в человеческий рост, а в левой – столь же устрашающих размеров серп. А ведь где-то встречались мне раньше, эти орудия труда... Но где?

В двух шагах от монумента разместился странный агрегат с гофрированным шлангом, впившимся прямо в грудь Железного Феликса. К затылку же рыцаря революции примыкал щелястый ящик, соединённый кабелем с загадочным устройством. А подле ног Феликса скупились мелкие коричневые бруски. Тротиловые шашки, наверное.

Тягач окутался дымом, сизая пелена стелилась по земле, поднимаясь до окон, нет, уже скрывая нижние этажи ближайших зданий. Но в ограниченный канатом круг дым не проникал.

Выхлопные газы исполинская машина исторгала ритмично, и в этот ритм на удивление точно вписалась невесть откуда – извне или изнутри – взявшаяся мелодия. Григ, «Пер Гюнт», интермеццо «В пещере горного короля». Воплощение силы – абсолютной, бездушной и не по-доброму, издевательски весёлой.

Кажется, я понял! Кондиционер! Ну конечно: одним выстрелом – двух зайцев – горячее сердце и холодную голову. Гениально! А бруски? Вовсе не взрывчатка, а мыло. Чтобы, значит, чистые руки.

Но что за люди разместились на платформе? И сколько их? Ага, двадцать шесть. Похоже, бакинские комиссары. Хм, латышские стрелки оказались бы уместней. «А может, – прозвучал ехидный голос внутри черепной коробки, – тебе подать ещё и Анку-пулемётчицу, до кучи? А пива холодного в постель не хочешь?»

Я увял.

Стальной великан изрыгал дымные клубы всё быстрее, музыка звучала громче и громче. Безжалостное неистовство искало выход. Чадные тучи с хлопьями сажи заползали всё дальше в соседние улицы; резкий запах гари ударил мне в нос.

Чёрная метель крутилась по Лубянке. Мертвенное мерцание высветило платформу и белый круг площади – словно сцену в гигантском театре.

Злорадствующие ритмы плавно перешли в разухабистый финал в исполнении группы «Делириум тременс»:

*Ух ты, ах ты —  
Все мы – космонавты.*

И – тишина. Резкая, внезапная, как удар, тишина. Всесокрушающая сила так и не вырвалась наружу.

Лишь сейчас я заметил несуразность: бóльшая часть платформы пустовала. Зачем же понадобился исполин-тяжеловоз?

*Понты дороже денег*, – мелькнула мысль. И в тот же миг в голове моей раздался сухой щелчок. Железный Феликс вспыхнул, на секунду меня ослепив. Запах горячей серы перебил вонь выхлопных газов.

Дым сгустился в крошечную мглу. Тьма, пришедшая из Театрального проезда на смену ослепляющей вспышке, накрыла всё вокруг Лубянки. Исчезли улицы и переулки, исчез во мраке чудовищный тягач и всё, что на нём размещалось. Исчезли двадцать шесть бакинских комиссаров. Исчезла куча мыльных брусков. Пропал нелепый и страшный герб, как будто не существовал на свете. Всё пожрала тьма, напугавшая всё живое на площади и в её окрестностях.

Стоп. Подобное мне где-то встречалось, насчёт *тьмы пришедшей*. Как странно... Может, обойдется? Но как это я потерял бдительность? А, понятно: не по трудам легко взломался первый код.

*Значит, нужные книги ты в детстве читал*<sup>[5]</sup>, – раздался внутри родной голос Володи Жеглова. О, блин! Час от часу не легче, такая осечка.

На сей раз кара последовала немедленно.

У, ё!.. – страшный удар молотком в правый висок, и вослед серия, уже отбойным.

И надо успеть...

Птицы смерти в зените стоят...

Летят самолеты – крандец мальчишу.

Ну, всё? Уже всё?

Нет, просто пулемёт заклинило. Возврат каретки – и по новой.

Да не хочу я, вашу мать!

Мозгоклюй долбаный...

Мама...

Уфф, отпустило. Даже не верится. Ещё бы чуть, и в самом деле – всё. Инсульт-привет. В грунт, на минус полтора. Нельзя! Нам не нужны трупы на скамейках.

Ох... Сам виноват. Тщательней надо. И пока неясно, сполна мне навешали или ещё осталось.

Мгла рассеялась, на Лубянке начиналось новое действие. Не вставая со скамейки, на негнущихся ногах я подошёл к самому краю площадки.

В мерцающем свете очертания зданий, машин, людей размывались. Участники оцепления, дружно сняв ранцы, доставали из них предметы, похожие на спаренные зимние шапки. Напяливают на головы... Да ведь это наушники, и такие огромные! Вот сволочи, предупреждать же надо...

Широко открыв рот, я плотно прижал к ушам ладони.

Зарябило – до тошноты, до занудной боли в глазных яблоках. Землю страшно трянула, она встала дыбом – и тут же вернулась на место. Тугой воздух ударил в лицо, а по голеням – словно врезали доской. В голове противно звенело.

Я окинул взглядом площадь. Огромная – дух захватило – круглая дыра пронзила Лубянку точно по центру. ПРОВАЛ – выплыло из глубин подсознания. Именно так – *Провал* –

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/557>

---

**notes**



Геннадий Шпаликов.

Николай Олейников. Карась

Владимир Высоцкий. Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие.

МБР – межконтинентальная баллистическая ракета.

Владимир Высоцкий. Баллада о борьбе.